Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России [Текст] / Под ред. К. Каарияйна, Д. Фурмана. – М.; СПб.: Летний сад, 2007. – 400 с.

Основы социальной концепции Русской Православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (специальный выпуск). М. – 2000 г. – №8. – 108 с.

Розати, М. Постсекулярные современности: социологическое прочтение [Текст] / М. Розати // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – №1 [32]. – С. 272-293.

Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин: Пер. с англ. / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

Сухоруков, В.В. Существует ли консенсус относительно российского православия? // Социология религии в обществе Позднего Модерна: религия, образование, международная интеграция : сборник статей по материалам VII Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 21-22 сент. 2017 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: Центр социологических исследований НИУ «БелГУ», 2018. CD-ROM. – 185 с. – С. 42-47.

Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек. [Текст] / Ж.Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.

Тощенко, Ж.Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы // Дмитриев А.В., Иванов В.Н, Тощенко Ж.Т. Социологическая мозаика – 2018. – М.: КНОРУС, 2018. – С. 147-221.

Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? [Текст] / Юрген Хабермас: Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – 144 с.

Шаронова, С.А. Социология образования [Текст]: Учебное пособие / С.А. Шаронова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 380 с.

Эрвьё-Леже, Д. В поисках определённости: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна [Текст]: // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – №1 [33]. – С. 254-268.

МИТРОФАНОВА А.В. ПРАВОСЛАВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОДДЕРЖКИ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ)

Аннотация. Статья представляет собой теоретическое введение в полевые исследования православных и православно-ориентированных социальных проектов на примере оказания помощи одиноким матерям и беременным женщинам, находящимся в сложной жизненной ситуации. Автор утверждает, что Русская Православная Церковь, пришедшая в социальную работу только в конце XX века, имеет шанс избежать тяжелых ошибок, сделанных другими христианскими благотворительными организациями за прошедшие сто лет. В качестве примера приводится работа католических приютов Ирландии и Квебека для одиноких матерей и детей, рожденных вне брака. Хотя эти заведения во многом опережали свое время, находившихся в них женщин и детей воспринимали как объекты, нуждающиеся в моральном исправлении посредством тяжелого труда и обязательного покаяния. Современная социальная работа как церковных, так и православно-ориентированных светских организаций осуществляется в условиях утраты Церковью моральной и организационной монополии; это не только отражает прогресс гуманистических ценностей в обществе, но и способствует более глубокому исполнению евангельских заповедей. Автор предполагает, что в условиях сворачивания государственной системы социального обеспечения Русская Православная Церковь может приобрести новые инструменты влияния на общество и продвижения собственной повестки дня.

Ключевые слова: православная социальная работа; приюты для женщин; Русская Православная Церковь; Дом для мамы; гуманизация социальной работы.

MITROFANOVA A.V. ORTHODOX SOCIAL PROJECTS: THE CASE OF SUPPORTING SINGLE MOTHERS IN CRISIS SITUATIONS

Abstract. This article is a theoretical introduction into an empirical study of the Orthodox and secular, but Orthodoxy-based, social projects focused on providing support to single mothers and pregnant women in crisis situations. The author suggests that the Russian Orthodox Church that became involved into social work only in the end of the 20th century has a chance to avoid heavy mistakes made by the other Christian charity organizations during the past hundred years. Catholic orphanages for illegitimate children and single mothers in Ireland and Quebec are analyzed as an example. In spite of being, in many aspects, ahead of their time, these institutions were based on envisioning women and children as objects in need of moral correction via heavy labor and compulsory repentance. Contemporary social work of both ecclesiastical and secular Orthodoxy-based organizations is done after the loss of moral and organizational monopoly by the Church; this fact reflects the progress of humanitarian values in society and contributes into more profound understanding of the Gospel of Christ. The author theorizes that following the withdrawal of state social security system the Russian Orthodox Church would be able to acquire new instruments to influence the society and to promote its own agenda.

Keywords: Orthodox social work; women's crisis center; Russian Orthodox Church; Home for Mom; humanization of social work.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (номер проекта: 18-011-00598, «Социальные проекты РПЦ»).

3 июня 2017 года в университете Конкордия (Монреаль, Канада) состоялась телеконференция между бывшими воспитанниками приютов для незаконнорожденных детей, содержавшихся там в 1940-50-е годы²³. С одной стороны экрана находились жители франкоязычной канадской провинции Квебек, известные как «сироты Дюплесси», с другой — воспитанники домов матери и ребенка (mother and baby homes) из Ирландии. Представители обеих групп рассказывали, что их подвергали жестокому обращению и вынуждали к тяжелому труду. Большую часть приютов для женщин, родивших вне брака, и их детей в 1940-50-е годы в европейских странах и Канаде содержала Католическая церковь.

Я не хочу сказать ничего плохого о тогдашней католической системе благотворительности. Любая религиозная организация состоит из людей и поэтому неизбежно отражает и хорошие, и плохие черты, присущие определенному этапу развития общества. Христианские организации помогали обездоленным, когда никто и не слышал о социальном государстве, при этом иногда опережая свое время (как, например, аболиционисты — борцы с рабством), а иногда — нет. Они поддерживали людей так, как могли, исходя из своих представлений о милосердии, с одной стороны, продиктованных Евангелием, а с другой — подвергнутых воздействию конкретного времени и конкретной социальной среды. Католические авторы справедливо отмечают, что раньше такие женщины оказывались просто на улице, их выгоняли из семей и им некуда было пойти, кроме церковных приютов²⁴. Учреждения такого рода были и у протестантов (Bethany Home в Ирландии) — ирландские католики, собственно говоря, вдохновлялись системой,

²³ Bernstien, Jaela. Children of sin: Quebec and Irish orphans share stories of abuse under care of Catholic Church // CBC News. 3 June 2017. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/duplessis-orphans-meet-irish-mother-baby-homes-1.4142930> (дата обращения: 12.09.2018).

²⁴ Quinn, David. Mother and baby homes: a hidden history // The Irish Catholic. 29 March 2018. URL: <https://www.irishcatholic.com/mother-and-baby-homes-a-hidden-history/> (дата обращения: 12.09.2018).

созданной англиканами в Великобритании; были также светские приюты для незамужних матерей и их детей.

Как в Ирландии, так и в Квебеке в 1940-е годы не существовало привычных для современного западного общества социальных институтов. Обычно государство финансировало приюты в Ирландии на подушевой основе, отдавая их в управление женским монашеским общинам. В задачи приютов входила не только материальная поддержка, но и раскаяние грешниц, для чего их принуждали постоянно каяться и участвовать в богослужении. Женщины использовались для тяжелой работы — ручной стирки, поэтому приюты стали известны также как «прачечные Магдалины». Детей подращивали лет до 8, затем посылали в ремесленные училища, сеть которых также находилась под управлением католической церкви. Усыновление в Ирландии было запрещено до 1953 г., поэтому детей часто отправляли за рубеж, например, в США, где богатые католические семьи стремились усыновить белых детей.

В Квебеке времен премьерства Мориса Дюплесси ситуация была еще более жесткой. До 1960-х годов в провинции не было министерств образования, здравоохранения и социального обеспечения. Католическая церковь отвечала за всю социальную работу, включая приюты, куда попадали незаконнорожденные дети, а также дети, потерявшие родителей или изъятые из семей. «Сиротами Дюплесси» называют особую категорию таких детей, которым ставили ложные психиатрические диагнозы и отправляли в психоневрологические интернаты, чтобы привлечь больше федеральных фондов (подушевое финансирование для больниц было больше, чем для приютов). Иногда целые приюты переводили в категорию психоневрологических больниц. Сирот также заставляли бесплатно (зарплата поступала приюту) работать в качестве слуг или на фермах.

После войны в Ирландии происходит медленное становление государственной системы социальной защиты. В 1947 г. были созданы Департаменты социального благосостояния и здравоохранения, в 1952 г. — принят закон о социальном обеспечении. Тем не менее, этот закон не распространялся на одиноких матерей до 1973 г. Настоящий кризис церковной системы соцобеспечения пришелся на 1960-е годы, когда в результате быстрой модернизации (Ирландия получила прозвище «кельтский тигр») правительство смогло направить финансовые средства на создание социального государства. В Квебеке в те же годы происходит так называемая «тихая революция» — создается Министерство социальных дел, в руки которого и перешла церковная система социальной поддержки.

Создание системы социального государства означало смерть церковных социальных проектов. Более того, в Квебеке и Ирландии начинается кризис традиционной церковности. В Квебеке отмечено самое значительное в развитых странах падение уровня посещаемости церквей: в начале 1960-х гг. он составлял более 80%, в 2007 г. — 15%, в 2017 г. — 5%²⁵. В Ирландии цифры не такие впечатляющие (в 2016 году 36% взрослых еженедельно посещали религиозную службу²⁶), но недавние референдумы (2015 — по признанию однополых браков, 2018 — по легализации аборт) показали, что влияние католической церкви упало, и она уже не представляет морального большинства в обществе (однополые браки поддержали 62,1 % голосовавших, аборт — 67 %) ²⁷.

²⁵ Dreher, Rod. Fruits Of The Quiet Revolution \ The American Conservative. 30 July 2018. URL: <https://www.theamericanconservative.com/dreher/fruits-of-the-quiet-revolution-catholic-church-quebec/> (дата обращения: 12.09.2018).

²⁶ McGarry, Patsy. The faith of Ireland's Catholics continues, despite all // The Irish Times. 11 August 2018. URL: <https://www.irishtimes.com/news/social-affairs/religion-and-beliefs/the-faith-of-ireland-s-catholics-continues-despite-all-1.3592019> (дата обращения: 12.09.2018).

²⁷ Ирландия проголосовала за легализацию однополых браков // BBC News. Русская служба. 24 мая 2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/05/150523_ireland_same_sex_marriage_referendum_result (дата обращения: 12.09.2018).; Премьер Ирландии: легализация аборт — "мирная революция" // Радио Свобода. 26 мая 2018. URL: <https://www.svoboda.org/a/29252426.html> (дата обращения: 12.09.2018).

Ситуация в России, конечно, серьезно отличается от зарубежной. Некоторые институты социального государства были созданы Советской властью еще в 1920-е годы, а Церковь была полностью отстранена от социальной работы. Советская социальная система местами была так же далека от современных представлений о гуманности, как католические приюты Квебека. Происходило (и происходит до сих пор) много плохого, что открывается сейчас, в том числе ситуации, аналогичные «сиротам Дюплесси». Но Церковь, которой была запрещена работа с населением помимо оказания «религиозных услуг», осталась в стороне от отрицательных сторон социальной работы.

До революции Православная Церковь в России также выполняла ряд социальных функций, в частности под ее патронажем действовали убежища для «падших женщин» (Магдалинские приюты) и приюты для сирот из (как сказали бы сейчас) социально незащищенных слоев. Женщин в приютах рассматривали прежде всего не как жертвы несправедливой социальной системы или человеческой жестокости, а как кающихся грешниц, их детей считали незаконнорожденными. В приютах и убежищах царили принудительный труд и казарменная дисциплина, участие в богослужениях было обязательным. Современный исследователь сравнивает атмосферу этих заведений с тюрьмой²⁸.

Если бы революции не произошло и Русская Православная Церковь занималась социальной работой в 1950-е годы, она совершала бы те же ошибки, что христианские организации западных стран. И получила бы вместо «кредита доверия» 1990-х «кредит недоверия», то есть отрицательные черты, общие для всей социальной работы середины века, были бы приписаны Церкви. Сейчас в качестве примера можно наблюдать конфликт и непонимание вокруг интерната при Боголюбовском женском монастыре, где пытались применять в воспитании детей подходы, характерные для 1940-х годов — в частности, жесткую дисциплину и систему наказаний²⁹. Эти подходы, обычные для более раннего времени, сейчас уходят в прошлое, спровоцировали отрицательную общественную реакцию — но не столько против устаревших педагогических методик, сколько против Церкви.

В гонениях на христиан, безусловно, нет ничего хорошего, но в данном случае лучше быть среди гонимых, чем среди гонителей. Богу было угодно, чтобы Русская Православная Церковь пришла в социальную работу, когда изменился сам подход к этой сфере деятельности. Речь не только об общей гуманизации ценностей общества, но и о переходе от частной благотворительности к системной социальной работе. Основное отличие помимо многих других заключается в том, что благотворительность не ставит более широких целей, чем оказать помощь конкретному человеку в сложной ситуации. Социальная работа в конечном итоге ориентирована на переустройство общества и создание более справедливых условий для всех его членов³⁰. В связи с этим произошло кардинальное изменение отношения к человеку, на которого направлена социальная работа («клиенту» или «пользователю»). Российский исследователь И.Э. Петрова отмечает, что в начале XX века объект благотворительности воспринимался как пассивный получатель помощи; в наше время пользователь «имеет право выбирать и быть независимым от социального работника — он полноправный партнер во взаимодействии с социальным работником»³¹. В современной социальной работе исключено

²⁸ Мартыненко Н.К. Организация благотворительных приютов для женщин «групп социального риска» в России в середине XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2009. Выпуск 6. С. 345.

²⁹ Ребров, Дмитрий. Боголюбово: доверяй, но проверяй // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности. 13 октября 2009. URL: [https://www.miloserdie.ru/article/bogolyubovo-doveray-no-proveryaj/](https://www.miloserdie.ru/article/bogolyubovo-doveray-no-proveryaj-no-proveryaj/) (дата обращения: 12.09.2018).

³⁰ Фирсов М.В. Технология социальной работы: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект. 2007. С. 66-67.

³¹ Петрова И.Э. Клиент социальной работы // Социология (Москва). 2007. № 3-4. С. 91.

неуважительное уважение к пользователю, его принуждение к труду или молитве (в том числе с благими намерениями).

Русская Православная Церковь вынуждена осуществлять социальную деятельность в условиях потери как моральной, так и организационной монополии. По этой причине можно говорить о сосуществовании различных социальных организаций, проектов и инициатив, которые могут быть церковными (в административном смысле), могут быть не церковными, но православными по самоназванию, и могут быть светскими, не декларирующими православности, но ориентированными на православные ценности.

Наглядный пример представляет работа церковных и светских православно-ориентированных организаций по поддержке матерей и беременных женщин в сложной жизненной ситуации. Святейший Патриарх Кирилл неоднократно заявлял, что дома-приюты для женщин в сложной жизненной ситуации должны быть в каждой епархии, в частности на заседании Высшего церковного совета в мае 2018 года он вновь подчеркнул: «Церковь должна открыть свои двери и помогать таким женщинам»³². Сейчас Церковью открыто 57 таких домов, первым из которых был «Дом для мамы» в Москве. По мнению Патриарха, в поддержке нуждается любая женщина, выбравшая материнство — независимо от вероисповедания и семейного статуса. Бросается в глаза, что женщины, родившие вне брака, больше не подвергаются осуждению, а их детей не называют «детьми греха»³³. С одной стороны, изменение церковной позиции обусловлено трансформацией общества и его морали. С другой стороны, оно отражает более глубокое понимание евангельской заповеди любви к ближнему, которая ранее не исполнялась в полной мере именно потому, что Церковь в этой области не намного опережала общество (хотя все же опережала).

Социальная работа православных и православно-ориентированных организаций в настоящее время не предполагает, что клиент является православным или воцерковленным; он также не рассматривается как объект обязательной катехизации. Клиентам не вменяют в обязанность участие в богослужении, хотя такая возможность обычно предоставляется. Как и в случае ранее приведенных примеров, это не только отражает изменения в обществе, но и позволяет полнее воплощать евангельские заповеди. Сейчас православные инициативы всех типов не обращают внимания на религиозную принадлежность добровольцев и даже платных сотрудников — во всяком случае, если это не приходская инициатива, участники которой, вероятнее всего, прихожане данного храма.

Терпимость частично обусловлена простой нехваткой людских ресурсов. В Канаде и Ирландии католическая церковь обычно использовала монахинь — кстати, после «тихой революции» в Квебеке резко сократилось число как монахинь, так и молодых девушек, желающих ими стать. Тем не менее, мои полевые исследования свидетельствуют, что в процессе работы социальных инициатив люди часто переживают духовную трансформацию, вплоть до случая, когда девушка пришла в православный проект будучи некрещеной и, по ее словам, атеисткой, но начала участвовать не только собственно в социальной работе, но и в молитвах (чтении акафистов), а теперь готовится принять крещение.

В заключение хотелось бы сказать, что в России мы наблюдаем уникальную ситуацию сворачивания развитой ранее социальной системы государства. Речь, конечно, вряд ли пойдет о полной ее ликвидации, но ситуация вполне может вернуться к уровню Ирландии и Квебека 1940-х годов, то есть государство будет частично финансировать социальную работу, отдавая ее при этом на аутсорсинг, в том числе и религиозным

³² Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета 11 мая 2018 года // Официальный сайт Московского Патриархата. 11 мая 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5193186.html> (дата обращения: 12.09.2018).

³³ См. истории подопечных «Дома для мамы», изложенные на странице ВКонтакте: <https://vk.com/domdliamamy77>

организациям. Если приход государства в сферу социального обеспечения привел в ряде стран к снижению интереса к организованным формам религии, можно ли предположить, что обратный процесс — уход государства — приведет к повышению такого интереса? Ответ на данный вопрос неочевиден, так как Русская Православная Церковь возвращается к социальной работе в условиях безвозвратной утраты «моральной монополии», а также организационной конкуренции с различными светскими проектами. В то же время успешная социальная деятельность Церкви, безусловно, позволит ей активнее продвигать свою социальную, культурную и иную повестку дня, а также усилит влияние православных ценностей в обществе.

Литература

Мартыненко Н.К. Организация благотворительных приютов для женщин «групп социального риска» в России в середине XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2009. Выпуск 6. С. 343-348.

Петрова И.Э. Клиент социальной работы // Социология. 2007. № 3-4. С. 91-100.

Ребров Д. Боголюбово: доверяй, но проверяй // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности. 13 октября 2009. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/bogolyubovo-doverayj-no-proveryaj/>

Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета// Официальный сайт Московского Патриархата. 11 мая 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5193186.html>

Фирсов М.В. Технология социальной работы. М.: Академический проект. 2007.

Bernstien, Jaela. Children of sin: Quebec and Irish orphans share stories of abuse under care of Catholic Church // CBC News. 3 June 2017. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/duplessis-orphans-meet-irish-mother-baby-homes-1.4142930> (дата обращения: 12.09.2018).

Clément, Dominique. Duplessis Orphans // Canada's Human Rights History. URL: <https://historyofrights.ca/encyclopaedia/main-events/duplessis-orphans/> (дата обращения: 12.09.2018).

Dreher, Rod. Fruits Of The Quiet Revolution \ The American Conservative. 30 July 2018. URL: <https://www.theamericanconservative.com/dreher/fruits-of-the-quiet-revolution-catholic-church-quebec/> (дата обращения: 12.09.2018).

Kelly, Adrian. Catholic Action and the Development of the Irish Welfare State in the 1930s and 1940s // Archivium Hibernicum. 1999. Vol. 53. P. 107-117.

McGarry, Patsy. The faith of Ireland's Catholics continues, despite all // The Irish Times. 11 August 2018. URL: <https://www.irishtimes.com/news/social-affairs/religion-and-beliefs/the-faith-of-ireland-s-catholics-continues-despite-all-1.3592019> (дата обращения: 12.09.2018).

Moran, Joe. From Catholic Church dominance to social partnership promise and now economic crisis, little changes in Irish social policy // Irish Journal of Public Policy. 2009. Volume 2. Issue 1. URL: <http://publish.ucc.ie/ijpp/2010/01/moran/01/en> (дата обращения: 12.09.2018).

Quinn, David. Mother and baby homes: a hidden history \ The Irish Catholic. 29 March 2018. URL: <https://www.irishcatholic.com/mother-and-baby-homes-a-hidden-history/> (дата обращения: 12.09.2018).

References

Martynenko N.K. Organization of charity shelters for women from “the groups of social risk” in Russia in the middle of the 19th – the beginning of the 20th centuries // Vestnik TGU. 2009. Issue 6. P. 343-348.

Petrova I.E. The client of social work // Sotsiologiya. 2007. № 3-4. P. 91-100.

Rebrov D. Bogoliubovo: Trust, but Check // Miloserdie.ru. October 13, 2009. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/bogolyubovo-doverayaj-no-proveryaj/> (дата обращения: 12.09.2018).

Speech of His Holiness Patriarch Kirill at the meeting of the Supreme Church Council // Official site of the Moscow Patriarchate. May 11, 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5193186.html> (дата обращения: 12.09.2018).

Firsov M.V. Technology of social work. Moscow: Akademicheskii proekt. 2007.

MICHEL O.V. STRONG RELIGION AND NATIONAL SENTIMENT – A CASE STUDY INQUIRY FROM GERMANY

Abstract. This contribution discusses the possible interrelations between the strongly religious identity and other intersecting codes of self-determination such as an ethnical and a nation. It identifies the factor of religious world-denying as crucial for understanding identity politics employed by fundamentalist actors in their positioning to the organizational environment, understood as “the sinful world”. This factor explains the character of positioning towards “different others”, i.e. people with different religious and ethno-national identity features or with dissenting lifestyles and dissenting worldviews. The study provides a case analysis involving a strongly religious, ultra-conservative movement from Germany: On the grounds of this case, it explains the role of religious world-denying in identity politics of strongly religious actors and in their conflictive positioning towards “the world” and “the different” perceived in opposition to the ‘divine plan of salvation for the people of God’.

Keywords: holy nationalism; fundamentalism; religious world-denying; conflict; positioning; identity; ethnical; nation.

Research interest: The scholarly literature on the possible conflation of *strongly religious* and *nationalist* self-determination focuses first and foremost on the notion of ‘holy nationalism’ as an empirically extractable identity pattern: This pattern is separated from other analytically conceivable interconnections of the (ethno-)national and religious sentiments in human relations and actions.³⁴ One of the first classifications of ‘holy nationalism’ is provided by Cruise O’Brien (1988): The scholar explores different expressions of the utopian ‘salvation ideologies’ for ‘the chosen people of God’ with their simultaneous reference to self-determination as a nation. Following this work by Cruise O’Brien (1988), Langewiesche (2008) distinguishes three major identity patterns of ‘holy nations’: These are ‘the chosen people,’ ‘the chosen people with tenure,’ and ‘the deified nation’. The *first type* of ‘holy nationalism’ (‘the chosen people’) relates to a nation defined as ‘chosen by God’, but competing with other nations for his grace. The latter semantics are considered to be an integral part of the ‘salvation plan’. The narrative of this type emphasizes the will and power of God to grant nations the status and position of ‘the chosen’ and ‘not-chosen’ ones. The *second type* of ‘holy nationalism’ (‘the chosen people with tenure’) frames nations as ‘holy actors’ endowed with a permanent grace of God in pursuing ‘his plan of salvation’ for ‘the chosen’. Finally, in case of the *third type* of ‘holy nationalism’ (‘the deified nation’) a nation frees itself from its bonding to God and its dependence on his grace: The narrative here grants the nation the status of ‘Gods’ with unlimited power and preponderance over all other nations. Following Cruise O’Brien (1998) one of the historical examples of the ‘deified nation’ was represented by the Nazi regime in Germany during the Second World War. This classification of ‘holy nations’ enjoyed great attention in the scholarly discourse, encompassing a number of consentaneous or to some extent critical

³⁴

Cf. for example Billig (2004[1995]), Geyer (2004), Langewiesche (2008) or Smith (2008, 2010).